

Окаянные дни (Вече)

Сергей Мельгунов

Красный террор (сборник)

«ВЕЧЕ»

1923, 1940

Мельгунов С. П.

Красный террор (сборник) / С. П. Мельгунов — «ВЕЧЕ», 1923, 1940 — (Окаянные дни (Вече))

ISBN 978-5-4444-9180-5

Предлагаемая читателям книга включает в себя две работы известного русского историка С.П. Мельгунова «Красный террор в России» и «Золотой немецкий ключ большевиков». В эмиграции Мельгунову было суждено стать одним из главных летописцев Гражданской войны в России, особое место он уделял насилию, порожденному революцией: «И красный и белый террор для меня ненавистны. Но красный террор для меня мучителен потому, что я социалист и косвенно принимаю ответственность за то, что здесь происходит». В своих работах С.П. Мельгунов старался быть объективным и использовать все доступные материалы, но, как сам при этом указывал, ему часто не хватало фактов. Несмотря на это, предлагаемые читателю работы и по сей день остаются актуальными.

ISBN 978-5-4444-9180-5

© Мельгунов С. П., 1923, 1940

© ВЕЧЕ, 1923, 1940

Содержание

По следам красного террора и «немецкого золота» большевиков	6
Об историке С.П. Мельгунове и его книгах	6
«Хождение по мукам» историка Мельгунова	7
Мельгунов в эмиграции	21
Книга Мельгунова «Красный террор в России»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Петрович Мельгунов

Красный террор в России

© Дмитриев С.Н., составление, предисловие, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

По следам красного террора и «немецкого золота» большевиков

Об историке С.П. Мельгунове и его книгах

*Эпиграфом к Истории я бы написал:
«Ничего не утаю. Мало того, чтобы прямо не лгать,
надо стараться не лгать отрицательно —
умалчивая».*

Л.Н. Толстой

100-летие революционных событий в России вновь усилило общественный интерес к эпохе «русской смуты» XX века и ко многим темам ушедшего противостояния. На этом фоне в стране не могла не проявиться потребность обращения к трудам русских историков, которые внесли свой вклад в исследования указанной эпохи, в том числе к произведениям самого крупного историка русского зарубежья, а может быть, и исторической мысли России XX века С.П. Мельгунова.

Автору этих строк повезло одному из первых приподнять завесу над скрытыми в тайниках спецхрана трудами Мельгунова. Еще в январе 1991 года, когда СССР, казалось, стоял как неприступная твердыня, в журнале «Наш современник» (1991, № 1, с. 142–155, 155–161, № 2, с. 172–177, № 3, с. 156–161) началась публикация книги историка «Красный террор в России. 1918–1923» с моим предисловием «По следам красного террора. Об историке С.П. Мельгунове и его книге»¹. Примерно в то же время – в конце 1990 г. – книга была опубликована отдельным изданием (М., 1990), а затем, более чем через десять лет, были изданы лишь следующие труды Мельгунова по интересующему нас периоду: «На путях к дворцовому перевороту» (М.: Бородино-Е, 2003), «Воспоминания и дневники» (М.: Индрик, 2003), «Трагедия адмирала Колчака» (М.: Айрис, 2004). Потом последовали другие издания книг историка, в том числе подготовленные к выпуску составителем настоящей книги, с отдельными предисловиями². Особо следует отметить, что сама книга Мельгунова «Красный террор в России» выдержала тогда лишь одно переиздание в издательстве «Айрис-пресс» (М., 2008).

В год 100-летия российских революций настала очередь вновь выпустить в свет книгу Мельгунова о красном терроре, дополнив ее другим увлекательным историческим исследованием автора – «Золотой немецкий ключ большевиков»³. Но прежде необходимо обратиться к насыщенной и яркой биографии автора, которому суждено было пройти «огонь, воду и медные трубы» русской смуты, почувствовав на самом себе все приметы и язвы того самого красного террора, который до сих пор может считаться неисследованным явлением эпохи революций.

«Хождение по мукам» историка Мельгунова

Сергей Петрович Мельгунов родился 25 декабря 1879 г. в старинной, но изрядно обедневшей дворянской семье. Его отец, Петр Павлович Мельгунов, московский педагог и историк, близкий друг В.О. Ключевского, стал знаменит благодаря своему учебнику «Первые уроки истории», неоднократно переиздававшемуся и вызывавшему восхищение лучших умов России. И хотя из-за развода родителей Сергей отца почти не знал, ему было суждено пойти по его стопам. В 1893 году П.П. Мельгунов умер, не оставив своей многочисленной семье почти ничего, кроме прекраснейшей библиотеки.

Полубедственное состояние вынудило Сергея уже с седьмого класса гимназии содержать себя самого, пробуя свои силы в журналистике и переводах. Благодаря счастливому стечению обстоятельств, учась лишь на первом курсе историко-филологического факультета Московского университета, он становится сотрудником «Русских ведомостей» – самой популярной и влиятельной из газет начала XX века. Около 10 лет сотрудничал Мельгунов в этой газете, пройдя путь от автора случайных сюжетов провинциальной хроники до обозревателя по темам истории и церкви. Этот опыт и определил в конце концов особенность творческого облика Сергея Петровича, не ставшего после окончания университета в 1904 г. «чистым», академическим историком, а гармонически соединившего в себе неослабевающий интерес к истории, профессиональную журналистику и активную общественную деятельность.

Главным предметом своего внимания историк Мельгунов сразу же выбрал историю русской церкви, прежде всего старообрядчества, сектантства. Из-под его пера на эту тему вышли следующие труды, получившие высокую оценку современников: «Церковь и государство в России» (2 кн.), «Религиозно-общественные движения в России в XVII–XVIII вв.», «Религиозно-общественные движения в России XIX в.», «Старообрядцы и свобода совести», «Великий подвижник и протопоп Аввакум», «Москва и старая вера». Кроме того, свет увидели книги Мельгунова «Дела и люди александровского времени», «Из истории студенческих обществ в русских университетах», «Студенческие организации 80—90-х гг. в Московском университете» и многочисленные статьи.

Мельгунов становится признанным авторитетом по вопросам истории церкви в России и на этой почве сближается с Л.Н. Толстым. Во время одной из встреч великий писатель настаивал: «Бросьте вы эту ерунду – «Русские ведомости», они вас совсем испортят», – уговаривая Мельгунова посвятить себя «исключительно изучению религиозных движений в России, может быть, единственному положительному и самому важному в современной общественной жизни». Однако историк не внял этому совету, а, напротив, все более расширял сферу своих интересов. Под его редакцией вышли многотомные коллективные труды, составляющие гордость русской историографии: «Великая реформа 19 февраля 1861 г.» (7 т.), «Отечественная война и русское общество» (6 т.), «Масонство в его прошлом и настоящем» (3 т.). Эти издания были богато иллюстрированы во многом благодаря уникальной исторической коллекции, собранной Мельгуновым. К числу заслуг Сергея Петровича можно отнести также составление и редактирование «Книг для чтения по истории нового времени» (7 т.), «Рассказов по русской истории», сборников «Из нашего прошлого», брошюр «Популярной исторической библиотеки», носивших просветительский характер.

Постепенно все больше сил Мельгунова стали поглощать издательские дела, в которых проявились его незаурядный организаторский талант и яркая творческая натура. Он участвовал в создании издательств «Народное право» и «Свободная Россия», организации первого в стране Союза книгоиздателей. Однако истинным его детищем стало издательство «Задруга» – совершенно исключительное явление в российском книгоиздании. Оно представляло собой кооперативное товарищество, насчитывавшее около 600 членов – писателей, общественных

деятелей, ученых, рабочих двух типографий издательства, каждый из которых являлся пайщиком и совладельцем «Задруги». За более чем десятилетний период существования товарищество выпустило свыше 500 самых разнообразных книг.

В 1913 году совместно с известным историком В.И. Семевским Мельгунов организовал журнал «Голос минувшего» и редактировал его на протяжении десяти лет. В течение всего этого времени (вышло 65 томов) журнал пользовался заслуженной славой крупнейшего русского исторического журнала.

Политические симпатии Мельгунова склонялись к народническим кругам, группировавшимся вокруг «Русского богатства». В 1907 г. он принял деятельное участие в создании народно-социалистической партии, став затем товарищем председателя ее ЦК. «По своим воззрениям, – писал Мельгунов, – эта партия отличалась от других социалистических партий тем, что в основу она клала не классовую борьбу, а интересы человеческой личности как таковой. . . Партия не могла иметь широкого развития в буйное время революции, когда на сцену выступила демагогия. Но ее умеренный социализм, ее непрерывная защита интересов государства как целого, интересов нации («Превалирование над всем национальной и государственной точки зрения» – так формулировал свое кредо историк) привлекло в ее ряды многих лучших представителей русской демократической интеллигенции».

В Февральской революции Мельгунов увидел осуществление давней мечты всех борцов за свободу. Он активно поддерживал Временное правительство, редактируя вместе с другими лидерами народных социалистов – В.А. Мякотиним и А.В. Пешехоновым – партийные газеты. Однако из-за своей загруженности историк отказался от весьма лестного предложения Министерства внутренних дел занять пост московского комиссара.

Раскаты Октябрьской бури были встречены Мельгуновым крайне враждебно. В своих воспоминаниях он назвал годы, последовавшие за этим событием, «убийственным прозябанием». Историк откровенно признался, что с первых дней революции стал «непримиримым врагом советской власти» и вел против нее «активную борьбу». На этом пути его ждали 23 обыска, 5 арестов, 6 месяцев жизни на нелегальном положении, полтора года заключения в тюрьмах, страшная угроза расстрела. Вся эта одиссея имеет прямое отношение к книге «Красный террор в России», и на ней стоит задержаться более подробно.

Чем же было вызвано резкое неприятие Мельгуновым новой власти? Это чрезвычайно важно уяснить, чтобы понять те принципы, отталкиваясь от которых историк считал возможным критиковать большевиков. Обратимся к его показаниям во время четвертого ареста в 1920 г. В них Мельгунов, продолжавший считать себя социалистом, утверждал, что ни в Европе, ни в России еще не созрели предпосылки для «пролетарской революции», а «при таких условиях опыт социалистического строительства вне объективных условий времени. . . является общественным преступлением – преступлением перед потомством. При подобной оценке вопрос о методах, при помощи которых продлевается опыт, выдвигается на первый план. Многие из идей, осуществляемых властью, я разделяю, но все ее методы мне органически ненавистны, так как все то насилие, которое мы наблюдаем, не находит себе никакого исторического оправдания. И в жизни получается лишь какая-то карикатура даже на коммунизм – нарушается элементарное основание так называемого научного коммунизма. Я не могу примириться с тем исключительным произволом, который царит ныне во всех отраслях жизни, с той. . . системой террора, которая возведена в принцип государственного строительства до последнего времени».

В заявлении в президиум Особого отдела ВЧК от 10 июля 1920 г. Мельгунов писал на ту же тему: «Будучи врагом всей политики Советской власти, я все же деятельность большевиков объяснял своего рода общественным фанатизмом, узко воспринятой политической догмой! И органически ненавистный мне террор я выводил из того же ложного, с моей точки зрения, миропонимания. . . Когда вы убиваете людей, вы говорите, что уничтожаете врагов во имя

великого будущего. Я отрицаю за людьми право так строить будущее». Историк признавал, что «коммунистическое правительство... опирается на инстинктивное чувство массы и идет по пути нового социального строительства. Последнее я, конечно, никогда не отрицаю и всецело бы сочувствовал, если бы пути были не ошибочны, а методы не так узко деспотичны. Я не верю в возможность осуществления таким путем социализма».

Как видим, Мельгунов расходился с большевиками не по вопросу о целях преобразования общества, а по вопросу о путях и методах достижения этих целей, и, конечно, неприятие им новой власти никак нельзя объяснить «дворянским происхождением» или «классовой злобой» отъявленного «контрреволюционера». Скорее речь здесь должна идти о твердом следовании историка принципам нравственности, свободы и социальной справедливости, которые отстаивались представителями умеренного крыла народническо-социалистического движения. Эта твердость и обусловила в конечном счете «контрреволюционность» Мельгунова как в его взглядах, так и политических действиях. Думается, сегодня, в отличие от печально памятных лет, мы должны признать, что такая позиция, несмотря на ее крах в те дальние годы, имела свою громадную выстраданную правду. В истории далеко не все, что терпит поражение, изначально ложно, бесперспективно. И мы обязаны ныне отдать должное тем, кто, идя против течения, теряя при этом свободу, Родину, жизни и все же проигрывая, пытался сдерживать приближение неминуемого, окрашенного в черные цвета насилия и народной трагедии. Да и что кроме уважения может вызывать решительность людей, которые, видя поругание своих святых идеалов и ценностей, не отсиживались по углам, не замыкались в словоблудие и вздохи по утраченному, а, рискуя всем, предпринимали реальные действия, пусть часто неумелые и напрасные, против порочной, по их пониманию, власти.

В своих воспоминаниях, появившихся в печати только после смерти историка, Мельгунов раскрыл те тайны собственной «контрреволюционной» деятельности, за которые дорого бы заплатили чекисты. Узнай они тогда об этих секретах, участь Мельгунова была бы куда печальнее. Уже в первые месяцы после Октября он решительно высказывался за политическую линию народных социалистов, нацеленную против какого-либо компромисса с Советами, любого «соглашения с партией большевиков» и «участия в административной власти». Эти свои взгляды Мельгунов публично высказал в газете народных социалистов (энэсов) «Народное слово» в статье с показательным заголовком «Борьба до конца». За эту статью газета была тотчас же закрыта.

Страстным желанием историка становится сплочение антибольшевистских сил, он предпринимает для этого действенные шаги, неоднократно встречается с близко знавшим его П.А. Кропоткиным, по его словам, «государственником в лучшем смысле слова», поддерживает тесный контакт с Б.В. Савинковым. Весной 1918 года оформляется одна из наиболее сильных контрреволюционных организаций «Союз возрождения России», включившая в себя представителей левого фланга антибольшевистского фронта – энэсов, правых эсеров, меньшевиков-оборонцев, левых кадетов. Мельгунов занимает в союзе руководящее место: как и Н.Н. Щепкин, он является фактическим заместителем председателя союза В.А. Мякотина, а после отъезда последнего на юг становится одним из двух лидеров московской группы союза.

В условиях конспирации «Союз возрождения» налаживает переправку на добровольческий юг офицеров, обзаводится своей военной организацией. После некоторых колебаний руководители союза приходят к мысли о целесообразности интервенции в страну союзников России по Антанте «для продолжения борьбы с немцами и воссоздания русской антибольшевистской государственности». От союзнических миссий «Союз возрождения» получает на развертывание своей деятельности более 1 миллиона рублей, часть из которых была переправлена в Добровольческую армию, другая часть – 300 тысяч рублей – была лично передана Мельгуновым Савинкову.

До поры до времени в ЧК об этой активности известного историка не ведают вовсе: на виду его работа в качестве руководителя «Задруги» и редактора «Голоса минувшего». В этих условиях первый арест Мельгунова, произошедший в ночь на 1 сентября 1918 г. сразу же после покушения на Ленина и убийства Урицкого Л. Каннегисером (он назвал себя энэсом, что не могло не отягчать дальнейшей судьбы руководителей этой партии, в том числе Мельгунова), был лишь ярким проявлением того «истерического террора», когда в ответ на посягательство на жизнь вождей революции без разбора арестовывали и расстреливали почти исключительно совершенно невинных людей. Мельгунов попадает на Лубянку, 11, в помещение бывшего страхового общества «Якорь», в это, по его словам, «царство латышей! и притом латышей, почти не говоривших по-русски», а затем в Бутырку. Здесь ему пришлось испытать на себе не только жуткие бытовые тяготы (в камере на 100 человек было утрамбовано 300), но и пытки бессонных ночей, когда то одного то другого соседа уводили на расстрел и думалось, что следующим будешь ты сам.

Однажды ночью в камерной двери в очередной раз лязгнул ключ, сердце замерло, и наш герой действительно услышал то, чего боялся: «Мельгунов здесь? Без вещей по городу». По тогдашней тюремной терминологии это означало расстрел, но вскоре выяснилось, что это также один из приемов чекистов лучше подготовить арестованного к допросу, который провел заведующий отделом по борьбе с контрреволюцией Н.А. Скрыпник. Когда же Мельгунов вернулся в тюрьму, его сокамерники были немало удивлены: быстро разнесшаяся по Бутырке молва уже похоронила историка, и хорошо хоть она не вышла за стены тюрьмы и не донеслась до его жены.

В октябре 1918 г. у Сергея Петровича состоялась удивительная встреча с самим Ф.Э. Держинским. Предоставим историку слово: «Я... встретил простого, средней руки провинциального интеллигента. И как это ни странно, очень скоро роли наши как бы переменялись. В обличительных тонах стал выступать допрашиваемый. И, видимо, слова о мерзости красного террора, о массовых убийствах, якобы произведенных по требованию возмущенных московских рабочих, о бессмысленности расстрела представителей «старого режима» за покушение социалистки еще больно задевали новоявленного чекиста, не успевшего скинуть целиком одеяния старого революционера. Чекистская тога не покрывала еще остатков совести и разума бывшего польского соц.-демократа. Взбудораженный, он бегал по комнате, и я ухитрился в это время из обвинительного досье, лежавшего на столе, незаметно взять документ, уличавший моих друзей в «контрреволюционных» замыслах. Взволнованный Держинский даже этого не заметил. Слова о крови били еще по его нервам. Не все человеческое было ему таким образом чуждо. Он, конечно, сознавал, что сентябрьская резня (террор в сентябре 1918 г. – С.Д.) вовсе не вызвана требованием населения и что она отнюдь не являлась попыткой «разумно (!) направить карающую руку освобожденных и раскрепощенных рабочих масс». Так утверждал впоследствии (записка 1922 г.) Держинский».

«Каннегисер назвал себя народным социалистом. Вот вас и арестовали, – говорил Держинский. – Что же делать. Мы боремся. Наша задача умиротворить ненависть. Без нас красный террор был бы ужасен. Пролетариат требует уничтожения всей буржуазии... Мы творим новую жизнь. Вероятно, мы погибнем. Меня расстреляют. Я пишу воспоминания. Оставлю их вам. Прочитав, вы поймете нас.

– Ну меня раньше успеют расстрелять, – ответил историк».

В конце бурной трехчасовой беседы председатель ВЧК заявил, что Мельгунов будет освобожден тотчас же, без возвращения в тюрьму, так как за него поручился большевик П.Г. Дауге. «Провожая меня в коридор, – вспоминал историк, – Держинский спросил: не поинтересуюсь ли я узнать, кто второй из коммунистов поручился за меня (полагалось два поручительства), и сказал: «Я!» Последовала молчаливая сцена, так как я решительно не знал, что следовало сказать по этому поводу. Для Держинского это был красивый жест!»

Позднее выяснилось, что за Мельгунова хлопотали также коммунисты В.Д. Бонч-Бруевич, П.М. Керженцев, В.Н. Подбельский, В.М. Фриче, Д.Б. Рязанов, А.В. Луначарский, К.И. Ландер: в их глазах он представлялся еще близким им по духу социалистом. Однако не прошло и десяти дней, как историк вновь оказался на полтора месяца в Бутырке. Получив уведомление о необходимости получить в ЧК отобранные при аресте вещи, ничего не подозревая, он пришел на Лубянку и был вновь арестован по ордеру, подписанному Я.Х. Петерсом. Оказалось, что еще на допросах Петерс сильно невзлюбил Мельгунова, подозревая его в причастности к заговору Локкарта, и, как только Дзержинский уехал в командировку, тут же распорядился арестовать «заговорщика». В судьбу опального историка опять пришлось вмешиваться «сильным мира сего» в лице председателя Совнаркома Украины Х.Г. Раковского, к которому с письмом обратился хорошо знавший Мельгунова и высоко ценивший его В.Г. Короленко. Показательно, что именно Мельгунов сыграл позднее видную роль в публикации после смерти писателя в Париже, в заграничном отделе издательства «Задруга» его известных писем к А.В. Луначарскому.

Вот как вспоминал сам Мельгунов о встрече с Раковским:

«Однажды меня вызывают в контору. Там встречаю я незнакомого мне человека вида просвещенного европейца с комендантом ВЧК. Человек приподымается при моем входе и говорит:

– Позвольте мне представиться. Вот при каких обстоятельствах я имею удовольствие с вами познакомиться. Я получил от В.Г. Короленко письмо с просьбой о вас. Через несколько дней вы будете освобождены. За мнение наше правительство не преследует, а то бы пришлось держать десятки тысяч людей.

Это был Раковский».

В дальнейшем Короленко продолжал хлопотать за Мельгунова, как и за многих других жертв «красного террора».

Короленко обратился к Раковскому с просьбой «употребить свое влияние в деле недавно арестованного Сергея Петровича Мельгунова» еще 22 сентября 1918 г. Он обратил внимание, что одной из причин этого ареста был его конфликт с В.Д. Бонч-Бруевичем по поводу издательской деятельности историка. При этом писатель выступил резко против заложничества и других проявлений красного террора. Показателен ответ на эти обвинения Раковского в письме к Короленко от 4 октября 1918 г.: «Я должен заметить, что прежде всего террор был введен в практику нашими противниками... Тогда мы и решили прибегнуть к институту заложничества, чтобы предупредить дальнейшие зверские расправы с нашими товарищами... Я согласен, о нас создается неблагоприятное впечатление, но мы вынуждены прибегать к этим мерам и делаем это без всякой охоты»⁴.

Заступничество Короленко оказалось успешным. Но Мельгунов был снова арестован, уже в третий раз, в марте 1919 г. по ордеру Особого отдела ВЧК и выпущен всего лишь через десять дней под поручительство П.И. Скворцова-Степанова и П.М. Керженцева. Получив телеграмму из Москвы об аресте историка, Короленко тут же, 15 апреля, написал новое обращение к Раковскому: «...Вчера я получил известие, что он арестован опять. Не знаю, какие преступления на него возводятся в смысле «неблагонадежности». Но думаю и даже уверен, что они не могут быть серьезны. А арест его – дело очень серьезное: он душа кооперативного издательства «Задруга», около которого существует много литературных работников и работников печатного дела... Не благодарю специально за приостановку бессудных казней, – завершал свое письмо Раковскому писатель, переходя к общим вопросам большевистской политики, – так как уверен, что Вы сделали это в интересах справедливости и самого большев. правительства. Во всяком случае – это было нужное и хорошее дело со всех точек зрения»⁵. Как видим, обращения писателя помогали не только конкретным людям, но и в целом помогали смягчать язвы красного террора.

Любопытно, что примерно в это же время, 4 мая 1919 г., Короленко сообщал в письме к Раковскому о неприятной истории, которая произошла с ним так же, как и с профессором Преображенским из «Собачьего сердца» М.А. Булгакова: «...Ко мне стали ходить «реквизиторы» и объявили, что у меня отберут две комнаты (в том числе один даже заявил о реквизиции моего рабочего кабинета, который весь занят моими бумагами, материалами и рукописями)»⁶. Напомним, что семья Короленко занимала один не очень большой дом по улице Малой Садовой Полтавы. Писателю пришлось жаловаться на эти покушения местному начальству, которое выдало ему ту самую «окончательную бумагу», «броню», которую просил себе профессор Преображенский. О получении охранного свидетельства на свой дом сам писатель написал как о важном событии в дневнике 11 апреля 1919 г.: «Дня три к нам зачастили с реквизицией комнат... Загаров, председатель жилищной комиссии, по-прежнему против реквизиции у меня, а какие-то второстепенные агенты все приходят, меряют шагами комнаты и т. д.».

Нападки на писателя со стороны ретивых местных большевиков и его обращения к Раковскому не могли не пройти незамеченными для киевских большевистских властей, что вылилось даже в беспрецедентное постановление Центрального Исполнительного Комитета Киевского Совета Рабочих депутатов, в котором со ссылкой на сообщение о нервном расстройстве писателя содержалось вот такое указание властям Полтавы: «По полученным сообщениям органы местной власти беспокоят писателя Владимира Галактионовича Короленко и его семью. Срочно примите меры к полной охране жилища и спокойствия Короленко и его семьи»...

Во время третьего ареста Мельгунова с историком произошли два довольно любопытных инцидента. Когда его пришли арестовывать чекисты, для упрощения этой процедуры он предложил комиссару не проводить обыск всего его огромного архива и библиотеки, а просто опечатать несколько комнат. Тот, поколебавшись, согласился, но у него не оказалось с собой печати, хотя сургуч был. И здесь историк сделал опрометчивый шаг, предложив опечатать комнаты находившейся у него печатью масонской ложи «Астрея», возникшей в Москве в 1907 г. Так и поступили, но печать комиссар вдруг решил забрать с собой. «Я никак не мог себе представить, – писал Мельгунов позднее, – что из-за этого может разгореться целый сыр-бор. В Особом отделе решили, что это печать современной ложи, с которой я имею какие-то таинственные связи. Заподозрено было и нахождение у меня многих масонских знаков. Мне пришлось разъяснять; жене моей пришлось привезти два тома, изданных под моей и Н.П. Сидорова редакцией, «Масонство в прошлом и настоящем», чтобы доказать, что у меня имеется к масонству обычный литературно-научный интерес».

Волны от этого пустякового, казалось бы, случая расходились еще долго, давая чекистам пищу для утверждений, что в белогвардейском лагере действуют масоны. Что касается самого Мельгунова, то он никогда масоном не был. В своих книгах и статьях историк неоднократно писал о попытках вовлечь его в масонские ложи (разговоры на эту тему с ним вел сам А.Ф. Керенский), не вызывавшие у него никакого доверия. «Я считаю вредным облечение подобными формами деятельности русской оппозиции», – признавался Мельгунов.

Однако зададимся каверзным вопросом: откуда это большевики, в частности чекисты, были так сведущи в масонской символике, распознав в печати, изъятой у Мельгунова, откровения «вольных каменщиков»? Не мерцает ли здесь одна из скрытых пока от исторического взгляда тайн большевиков? Допросы Мельгунова по масонским делам вел начальник Особого отдела ВЧК М.С. Кедров, кстати говоря, несколько лет проведенный в эмиграции. Как подчеркивал историк, «Кедров больше всего интересовался разгадкой, существует ли теперь масонство в России или нет».

С Кедровым связано и другое неожиданное приключение, пережитое в ЧК Мельгуновым. Однажды на допросе к начальнику Особого отдела принесли кипу каких-то документов. Историк заинтересовался, что это за документы, и получил ответ, что это бумаги одной из местных организаций партии эсеров и что в ЧК часто попадают еще более интересные доку-

ментальные материалы. Например, недавно поступил архив из могилевской Ставки Николая II как Верховного главнокомандующего. У Мельгунова мелькнула дикая мысль, и он попросил Кедрова ознакомиться с этим архивом. Немного подумав, чекист ответил: «Хорошо. Вы получите документы на одну ночь при условии никому их не показывать».

И вот Мельгунов всю ночь при электрическом свете в камере, где содержалось 15 человек, знакомился и делал выписки с официальной и полуофициальной переписки Ставки, переговоров по прямому проводу, автографов Николая II. Здесь им и был обнаружен, в частности, уникальный документ о гарантиях для себя и своей семьи, которые требовал император от Временного правительства во время своего отречения (позднее этот документ был опубликован историком за границей). На следующий день Кедров заявил, что он хочет издать архив Ставки, и спросил, не поможет ли ему в этом Мельгунов. Тот ответил категорическим отказом: «С большевиками невозможна никакая совместная работа».

Выйдя на свободу, Мельгунов неотступно ждал нового ареста, его все сильнее стали изматывать постоянные обыски. «С лета 1919 года мы все ходили под угрозой... – писал он впоследствии. – Мы продолжали свое дело. Жили легально и, может быть, даже слишком беспечно и открыто». В это время чекисты уже вышли на след «Союза возрождения» и других контрреволюционных организаций. 29 августа 1919 г. был арестован Н.Н. Щепкин. Узнав об этом, Мельгунов решил срочно уехать с женой в деревню под Серпухов, и сделал это не напрасно: дважды его приезжали арестовывать на московскую квартиру, оставив там на 6 недель засаду. Начались полгода мучительной нелегальной жизни: историку пришлось изменить внешность, поменять паспорт, преобразиться в бухгалтера и переезжать с женой с места на место. В конце концов «прятание по углам» надоело, и Мельгунов через знакомых большевиков, в том числе Л.Б. Каменева и Д.Б. Рязанова, попросил узнать, можно ли ему безопасно для себя выйти из подполья. Получив положительный ответ, он вернулся в середине февраля 1920 года в свою квартиру и... был тут же арестован.

Арест произвел особоуполномоченный Особого отдела ВЧК Я.С. Агранов. Как вспоминала жена историка П.Е. Мельгунова, «он был очень эффектен: шлем на голове с спускающейся на плечи кольчугой, весь до зубов вооруженный, за ним два солдата стукнули об пол прикладами». Сразу чувствовалось, что дело намного серьезнее, чем при предыдущих арестах. П.Е. Мельгунова скоро узнала от знакомых об отзыве на сей счет наркома юстиции Д.И. Курского: «Дело плохо, не исключена возможность военного суда, тогда грозит расстрел, возможна тоже ликвидация дела прямо Особым отделом, это еще хуже». Прасковья Евгеньевна кинулась искать заступничества у кого можно, написала новое письмо В.Г. Короленко, но все было тщетно.

Занимаясь длительное время изучением деятельности В.Г. Короленко в 1917–1921 гг., я обнаружил в Отделе рукописей Библиотеки им. Ленина письма к нему П.Е. Мельгуновой, в том числе и письмо от 28 февраля 1920 г. В нем жена историка, благодаря писателя за помощь, писала о своем муже: «Теперь он вновь арестован неделю тому назад Особым отделом ВЧК, этим самым страшным и жестоким учреждением у нас в Москве. Говорят, что дело вообще серьезное, добиться чего-либо очень трудно... Еще раз простите за беспокойство и помогите, как тогда».

А дело оказалось действительно серьезным. Теперь оснований для пребывания Мельгунова в тюрьме чекисты видели предостаточно. Вот выдержка из характеристики на него, представленной Аграновым Дзержинскому 19 марта 1920 года: «С.П. Мельгунов является руководителем и идейным «вождем» Союза возрождения, центром которого была Москва... Мельгунов, несомненно, является одним из самых активных врагов пролетарской революции. Бешеная ненависть его к Советской власти и коммунистической партии, его чрезвычайная непримиримость поражает даже его друзей по заговору, таких убежденных монархистов, как О.П. Герасимов, кн. С.Е. Трубецкой и др.... Мельгунов убежден в неизбежном для Советской

власти в ближайшем будущем 9-м Термидоре и в этом духе настраивает своих товарищей по камере».

Письмо от жены историка привез Короленко в Полтаву И.Д. Ринкман, и писатель описал в своем дневнике 28 марта 1920 г. все подробности ареста Мельгунова: о его долгом нелегальном положении, о засадах на его квартире, об обещании знакомых ему большевиков, что историка больше никто не тронет, и его непосредственном задержании. И опять писатель констатировал ухудшение общей ситуации: «Вообще в Москве опять свирепствует ЧК. Расстрелы теперь после известного декрета не производятся, но до его объявления (уже после того, как он состоялся) расстреляно несколько сот человек... Теперь приговаривают к бессрочной каторге или в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны»⁷.

Писатель вновь берется за перо и пишет 29 марта 1920 г. Раковскому о необходимости нового «заступничества», характеризуя историка следующим образом: «Мельгунов – человек резкий и прямолинейный. Думаю, что этим и вызван его арест. Одно из преимуществ таких характеров... то, что при резкости и прямолинейности не следует предполагать чего-нибудь утаенного, недоговоренного и скрытого»⁸.

Однако, несмотря на заступничество Короленко и других лиц, на этот раз Мельгунову суждено было пробыть в заключении целый год: полгода в одиночках внутренней тюрьмы Особого отдела ВЧК и полгода в Бутырке. Как раз в это время заканчивалось становление новой тюремной системы, являвшейся, по словам историка, «уже продуктом коммунистического творчества», и он в итоге стал свидетелем всех этапов развития этой системы, начиная от первых ее робких шагов в 1918 г., когда действовала еще традиция старого режима. Однако опыт, пережитый им, имел и свои особенности. Как признавался Мельгунов, «я был всегда в тюрьме «привилегированным». Писатель-демократ, так или иначе числившийся в социалистических рядах, имевший достаточные личные связи по своему прошлому с теми, кто стоял у верхов власти, неизбежно попадал в несколько другое положение, чем всякий иной тюремный обитатель». Главная привилегия историка состояла, по его словам, в том, что большевики «всегда давали возможность работать, допуская широко передачу книг и письменных принадлежностей. Единственно, за что я могу чувствовать к ним хоть некоторую благодарность».

Трудно поверить, но Мельгунов умудрился написать в одиночном заключении большую работу о Великой французской революции, так и оставшуюся неизданной, воспоминания о своей жизни до мировой войны, целый ряд мелких статей и заметок. Позднее, в эмиграции, он опубликовал часть написанного с пометкой «Камера 33. Внутренняя тюрьма Особого отдела ВЧК».

Тем временем страсти вокруг Мельгунова и других арестованных почти одновременно с ним разгорались действительно нешуточные. Проводивший следствие Я.С. Агранов с первых шагов разбирательства увидел уникальную возможность развития дела в сторону широкомасштабного процесса, и этот процесс через полгода действительно состоялся. Он вошел в историю как процесс по делу так называемого «Тактического центра» и представлял собой самый крупный политический процесс первых лет Советской власти.

Нити этого процесса вели в август 1919 г., когда чекисты вышли на след контрреволюционной организации «Национальный центр», состоявшей преимущественно из кадетов. В.И. Ленин перед началом операции по аресту руководителей центра дал указание Ф.Э. Дзержинскому обратить на операцию «сугубое внимание. Быстро и энергично и пошире надо захватить»⁹. «Захватили» действительно «широко» – около 700 человек, в том числе бывшего члена Государственной думы, кадета, председателя «Национального центра» Н.Н. Щепкина, внука знаменитого актера, руководившего также наряду с Мельгуновым «Союзом возрождения». Недолгое следствие выявило, что помимо «Национального центра» в стране действуют и другие антибольшевистские организации – известный нам «Союз возрождения» и «Совет

общественных деятелей», объединявший представителей правых политических сил. Но состав этих организаций остался тогда неизвестен, дело «Национального центра» было фактически закрыто, окончившись расстрелом без судебного разбирательства многих обвиняемых (около 150 человек), в том числе Н.Н. Щепкина.

Однако в феврале 1920 г. ЧК были арестованы член коллегии Главтопа Н.Н. Виноградский и профессор С.А. Котляревский, которые дали самые откровенные показания о деятельности всех контрреволюционных организаций и их руководящих лицах, среди которых фигурировало и имя С.П. Мельгунова. Виноградский даже сообщил о том, где скрывался Мельгунов, каковы его финансовые дела и что у него есть «потайной архив». Самое же главное в показаниях двух арестованных заключалось в их сообщении, что примерно с апреля по сентябрь 1919 г. в Москве действовал так называемый «Тактический центр», объединивший контрреволюционные организации. В него входили: от «Национального центра» – Н.Н. Щепкин, О.П. Герасимов и С.Е. Трубецкой, от «Совета общественных деятелей» – Д.М. Щепкин и С.М. Леонтьев, а от «Союза возрождения» – тот же Н.Н. Щепкин и С.П. Мельгунов. Получалось, что «Тактический центр» выступал в роли «высшего органа», руководившего деятельностью чуть ли не всего контрреволюционного подполья. Такая находка сулила чекистам невиданные перспективы.

На основании важных показаний вновь «захватили» довольно густо. За решеткой оказались все руководители «Тактического центра», за исключением расстрелянного Н.Н. Щепкина. Чудеса изворотливости проявил Агранов, отработывая, по сути, первый сценарий подготовки громкого политического процесса, который затем десятки раз брался за основу в 1920-е и 1930-е гг. Основными кирпичиками, составлявшими этот сценарий, стали явные провокационные действия следователя, использование им информации доносчиков, упор на собственные признания обвиняемых, а не на документы, выбивание раскаяния и покаяния подсудимых самыми различными приемами.

Агранов использовал в роли «наседки» предателя Н.Н. Виноградского, который поочередно переводился из камеры в камеру и подробнейшим образом доносил обо всех своих откровенных разговорах с обвиняемыми. Уже на первом допросе Мельгунов был поражен удивительной «ласковостью», уважительностью следователя и его знанием самых мелких деталей расследуемого дела. Предъявив историку показания Н.Н. Виноградского и С.А. Котляревского, Агранов уверял его, что дело это «чисто историческое» и оно не может иметь каких-либо последствий, что большевики проявляют теперь гуманизм и поэтому Мельгунова с его друзьями ждет вскоре амнистия. Нужно только дать показания. Такой же тактики следователь придерживался и с другими обвиняемыми, И, как ни странно, эта незамысловатая Тактика «сработала».

А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», рассказывая о деле «Тактического центра», обращал внимание на то, как «легко попадалась на чекистский крючок и сдавалась и гибла русская интеллигенция», оказавшаяся не подготовленной к встрече с изошренным механизмом следственной машины ВЧК. Упомянул он и о самом Мельгунове, что тот «без юмора ставит в упрек следователю Якову Агранову... *обман* его и других подследственных, ловкое дураченье, о котором он считает, что «большого издевательства надо мною быть не могло»... И Мельгунов, столь проникательно потом объяснявший немало исторических лиц русской революции, тут сам легко попадает: подтверждает участие в «Союзе возрождения» тех лиц, которые как будто уже прояснились из письменных показаний, ему предъявленных. И вообще «стал давать более или менее связные показания» – как рассказ, без выделения следовательских вопросов».

В воспоминаниях, на которые ссылался Солженицын, Мельгунов прямо признавался в своей собственной ошибке и ошибке других обвиняемых: «Так простоваты оказались мы...» Он объяснял свое поведение следующим образом: «Все будущие участники процесса во время предварительного следствия не держались тактики молчания, и не только о себе, но и о дру-

гих... После первого допроса у меня было тяжелое раздумье о том, как поступить и как себя держать на следствии. Но дело действительно было уже в полном смысле историческим: приходилось нести ответственность за прошлое, не действенное в настоящем. Следователь знал все, что мог я ему показать с фактической стороны. Казалось поэтому, что принципиальным неговорением я без нужды отягчаю свою судьбу и, может быть, судьбу других, не склонных, как я видел, занять позицию отрицания... Когда стоишь перед возможностью расстрела, не всегда думаешь об истории. Может быть, просто во мне недостаточно было того чувства революционного сознания, которое диктует поведение на суде».

Справедливости ради следует подчеркнуть, что в своих показаниях, часть из которых вошла в «Красную книгу ВЧК» (т. 2. М., 1920), переизданную в 1990 г., Мельгунов повторил лишь факты, уже известные следствию, не назвал никаких новых имен, всячески прижал роль «Союза возрождения» («Маленькое внутреннее удовлетворение дает сознание, что власть так и не узнала о составе «Союза возрождения» и его реальной деятельности», – писал он позднее) и разбивал главный козырь следствия о «Тактическом центре». Он утверждал, что организации с таким названием, «с особой какой-то платформой, тактикой, отдельной деятельностью», такого центрального «заговорщического центра» вообще не было, а были лишь несколько нерегулярных встреч представителей трех организаций: «Предполагалось, что представители групп будут здесь передавать точки зрения своих групп для осведомления и для передачи на обсуждение групп. Никаких решений здесь принимаемо не могло быть, да и фактически не принималось. Все сводилось, в сущности, к информации...»

Такие показания путали Агранову все карты. И он прибег к крайнему средству воздействия на историка – аресту его жены, якобы замешанной в контрреволюционной деятельности. Мельгунов объявил в качестве протеста голодовку, которую продолжал 17 дней. Как вспоминала П.Е. Мельгунова, «на семнадцатый день его вызвал Ягода, который в это время быстро поднимался по служебной лестнице и был на ножах с Аграновым. С.П. еле дотащился к нему. Спросив о причинах голодовки, о которых он якобы не знал, Ягода дал слово освободить меня, прислал к С.П. врача и взял с него обещание кончить голодовку». Жена историка была выпущена на свободу, а он сам в силу чрезвычайно ослабленного состояния (температура его тела упала до 34 °С, сильно отекали ноги) был помещен в лечебный изолятор Бутырки.

Лопнула в конце концов и другая провокация Агранова в отношении Мельгунова. Во время обыска на квартире историка было обнаружено большое количество карточек с подробными сведениями о жизни и деятельности различных участников революционного движения в России, в том числе большевиков. Следователь попытался представить эти карточки как свидетельство того, что Мельгунов и его единомышленники составляли списки коммунистов, подлежащих уничтожению или в результате террористических актов, или после свержения Советской власти. Мельгунову стоило огромного труда доказать затем на суде, что это всего лишь подготовительные материалы к «Словарю революционных деятелей», задуманному им еще в марте 1917 г. и готовившемуся легально к изданию в «Задруге». Позднее, во время пятого ареста историка, у него были обнаружены в ряду других фотографии, запечатлевшие Ф.Э. Дзержинского с чекистами, что послужило поводом для разработки особой версии о якобы подготавливавшемся Мельгуновым покушении на председателя ВЧК. Однако и этот замысел, к счастью, тоже скоро лопнул.

Из самого краткого описания следствия по делу «Тактического центра» уже вырисовывается зловещая фигура чекиста Якова Сауловича (по некоторым данным, Соломоновича) Агранова (настоящая фамилия Сорендзон), стоявшего в ряду виртуозов следственных дел, долгие годы набивавших руку на провокационных приемах и откровенных фальсификациях. Следующей удачей Агранова стало «таганцевское дело» 1921 г. Арестованный профессор В.Н. Таганцев 45 дней хранил полное молчание, но затем Агранов уговорил его подписать с ним соглашение, согласно которому подследственный должен был дать самые полные показа-

ния о деятельности его группы и всех ее участниках, а следователь обязался быстро завершить следствие, передать дело в гласный суд и гарантировал, что «ни к кому из обвиняемых не будет применена высшая мера наказания». В результате по «таганцевскому делу» без суда было расстреляно в три приема 61, 18 и 8 человек, в том числе и Н.С. Гумилев, которого Агранов допрашивал лично.

Любопытно, что, работая с 1919 г. в ВЧК, Агранов был одновременно секретарем Совета Народных Комиссаров и так называемого Малого СНК: его подпись стоит под многими постановлениями вместе с подписью В.И. Ленина. Дальнейшими вехами служебной карьеры Агранова, дотянувшего в 1935 году даже до поста первого заместителя наркома внутренних дел, стали расследование им обстоятельств антоновского мятежа на Тамбовщине, дела ЦК правых эсеров и дела Я. Блюмкина, подготовка процессов по делам «Промпартии» и «Трудовой крестьянской партии», виртуозные допросы убийцы Кирова Л. Николаева, руководство работой по разоблачению и осуждению «врагов народа» Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, М.Н. Тухачевского и многих других. Как видим, рука одного и того же режиссера-постановщика тянется от первого громкого политического процесса по делу «Тактического центра» до череды сногшибательных процессов 1936–1938 гг. Какая показательная, тесная связь времен!

Агранов долгое время специализировался на ловле именно интеллигентских заблудших душ, и нетрудно догадаться, почему его постоянно «тянуло» к литературно-богемным кругам. Он считался приятелем многих доверчивых писателей, начиная от Б. Пильняка и кончая В. Маяковским. Тень изворотливого чекиста ставила зловещую точку в судьбах сотен людей (успешная попытка выяснить причастность Агранова к убийству Маяковского была предпринята В. Скорятиным в «Журналисте», 1990, № 1, 2, 5), пока он сам не был в августе 1938 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в «контрреволюционной деятельности» и не отправлен вслед за своими бывшими подопечными. В 1955 г. при проверке дела Агранова Главная военная прокуратура не нашла оснований для его реабилитации ввиду того, что он допускал систематические нарушения социалистической законности.

С 16 по 20 августа 1920 г. большая аудитория Политехнического музея в Москве представляла невиданное зрелище: здесь слушанием дела «Тактического центра» фактически открывалась целая эпоха публично-показательных процессов над врагами Советской власти. «Сама уже зала с красным сукном, с толпящимися везде чекистами, солдатами ВОХРы в шишаках производила впечатление», – вспоминала П.Е. Мельгунова. Дело рассматривалось Верховным революционным трибуналом в составе трех судей и двух их заместителей (четверо из пяти – чекисты) под председательством Н.К. Ксенофонтова. Обвинение поддерживал сам «огненный» революционер и трибун Н.В. Крыленко. На скамье подсудимых – 28 человек: помимо четырех руководителей «Тактического центра» (О.П. Герасимов умер в тюрьме во время следствия) – Д.М. Щепкина, С.М. Леонтьева, С.Е. Трубецкого и С.П. Мельгунова – широко известные в России профессора Н.К. Кольцов, В.М. Устинов, Г.В. Сергиевский, В.С. Муралевич, П.Н. Каптерев, общественные деятели В.Н. Муравьев, Н.М. Кишкин, Д.Д. Протопопов, С.Д. Урусов, В.Н. Розанов, экономист и кооператор Н.Д. Кондратьев, фабрикант С.А. Морозов, дочь Л.Н. Толстого А.Л. Толстая и другие.

Как писал Мельгунов, «весь процесс был построен на песке» прежде всего потому, что, кроме показаний обвиняемых, в деле не оказалось никаких улик, «ни одного документа». Но это не смущало главного обвинителя, который уверял, что подсудимые должны были «лечь костями» за Советскую власть и что всякая иная мысль есть «мысль о государственной измене». «И даже если бы... обвиняемые здесь, в Москве, не ударили бы пальцем о палец, – говорил он, – все равно: в момент ожесточенной борьбы... даже разговоры за чашкой чаю (А.Л. Толстая лишь ставила самовар и подавала этот чай «заговорщикам» на своей квартире. – С.Д.) о том, какой строй должен сменить падающую якобы Советскую власть, являются контр-

революционным актом... Во время гражданской войны преступно не только всякое действие, всякий шаг, подготовляющий реставрацию иного порядка... преступно само бездействие».

Позднее Крыленко утверждал, что на процессе проявилось «полное раскаяние» и «сплошное самобичевание» подсудимых, однако он забыл отметить, что каялась и самобичевала себя, признавая Советскую власть, лишь часть обвиняемых: Н.Н. Виноградский, С.А. Котляревский (сразу же после суда они оказались на свободе и были прекрасно устроены на советской службе), а также С.Д. Урусов, В.М. Устинов, В.С. Муралевич, Г.В. Сергиевский, М.С. Фельдштейн и Н.Д. Кондратьев. Другие вели себя достойно и сдержанно. «Очень смело держалась Александра Львовна, погубившая себя последним словом, в котором заявила, что, будучи последовательницей отца, суда не признает и считает его насилием, особенно большевицкий суд», – писала о дочери великого писателя, получившей три года концлагеря, П.Е. Мельгунова.

То же самое можно сказать о поведении на суде и самого Мельгунова, оказавшегося центральной фигурой процесса. Он справедливо писал позднее о своих выступлениях в зале суда, что «ни искренних, ни неискренних потоков раскаяния, которые видел Крыленко в устах многих подсудимых, ни каких-то заявлений «о переломе своих убеждений» – там нет». Вот показательная выдержка на этот счет из стенографического отчета суда:

«Крыленко... Я формулирую так, что вы не можете примириться с данной формой власти и что она должна быть так или иначе уничтожена, сметена и заменена другой.»

Мельгунов. Всякая власть демократическая будет для меня более приемлема, чем советская власть.

Крыленко. И в тех условиях, в которых вам приходилось действовать во второй половине 1920 г., вы считали, что все из окружавших и боровшихся с советской властью более приемлемы?

Мельгунов. Нет, потому что, когда я стал узнавать, что при Деникинской власти начался белый террор, то для меня он не был тоже приемлем. Может быть, органически я к красному террору относился более враждебно. Я не принадлежу к тем людям, которые думают, что советская власть может существовать длительный период, и если вы ставите дилемму: генералы или советская власть, – то я такой дилеммы не ставил: для меня никакая реакционная власть не приемлема.

Крыленко. Практически перед вами стояла дилемма: советская власть, Колчаковская или Деникинская власть.

Мельгунов. Я в своих показаниях сказал, что я считал, что всякая политическая власть будет лучше советской прежде всего с той точки зрения, что политически ее свергнуть будет гораздо легче».

Особенно откровенно, «без сомнений и страхов», Мельгунов сказал все, что хотел, в своем последнем слове, когда Крыленко уже потребовал для руководящей «четверки» «Тактического центра» расстрела. Он предсказал большевикам термидор и выразил свою глубокую веру в их окончательную гибель.

Ждать оставалось только самого худшего. Готовясь к смерти и не желая быть расстрелянным, Мельгунов попросил жену принести ему яд. Прасковья Евгеньевна нашла возможность передать мужу крошечный флакончик с цианистым калием во время краткого свидания в перерыве между заседаниями суда. Но в ход событий вмешался его величество случай, припрятанный яд, к счастью, не потребовался, а на алтарь революции не была принесена еще одна жертва, которая могла лишить нас всего написанного впоследствии крупным историком, лишить так же, как мы лишились того, что подарил бы русской поэзии талант расстрелянного на творческом взлете Н.С. Гумилева.

Спасло обреченных счастливым стечением обстоятельств: дни процесса совпали с успехами Красной армии, рвавшейся к Варшаве и готовой разжечь пожар мировой революции в Европе.

В последний день процесса на нем в качестве своеобразного свидетеля выступил Л.Д. Троцкий. Завершая свою пылкую речь, он торжественно заявил, что «завтра Варшава будет взята», и, указав театральным жестом в сторону «четверки», закончил: «А эти нам теперь уже не страшны». В итоге Верховный революционный трибунал приговорил членов «четверки», в том числе Мельгунова, к расстрелу, но, принимая во внимание целый ряд обстоятельств, тут же постановил заменить им расстрел 10 годами тюремного заключения. Остальные подсудимые получили меньшие сроки заключения, часть из них была освобождена по амнистии или наказана условно.

Все пережитое и увиденное Мельгуновым на суде оставило у него горестные впечатления. Он вспомнил о своем опыте в 1931 г., когда в Париж из России донеслись вести о показательных процессах по делам «Промпартии» и «Союзного бюро меньшевиков», во время которых опять зазвучали покаянные речи многих подсудимых. Историк написал статью, в которой задался вопросом: «Зачем большевики ставят» эти фальсифицированные, надуманные процессы? «Мне кажется, что всякий, хоть раз непосредственно столкнувшийся с советским «правосудием», с «революционной» судебной совестью чекистов, заседающих в трибуналах, неизбежно должен превратиться в Фому Неверного, – подчеркивал он в статье. – По своему опыту по делу «Тактического центра» лично я склонен не доверять ни одному слову официальных судебных отчетов. Фарс и трагедия переплетаются между собой. Когда читаешь показания подсудимых и их реплики на комедийном действии, именуемом большевицким судом, кажется, что между властью и подсудимыми осуществлен какой-то закулисный заговор. Власти нужен, по каким-то особым соображениям, этот «показательный» процесс, и подсудимые сознательно пошли «на клевету» на самих себя, приписывая себе действия, которые они совершать не могли. Покупают себе этим жизнь? Советское «правосудие», действительно, имеет одну своеобразную черту. Любой обвиненный в сознательном вредительстве и приговоренный даже к расстрелу через очень короткое время может оказаться на свободе, на своем старом посту и вновь с тем же успехом заниматься «вредительством»...»

Потекли месяцы заключения Мельгунова по установленному сроку, но за него стали хлопотать многие, и особенно активно В.Г. Короленко и В.Н. Фигнер, представлявшая Политический Красный Крест. Обеспокоен был судьбой историка и П.А. Кропоткин. Последнее, что он написал за несколько дней до смерти, было его обращение во ВЦИК о необходимости освободить Мельгунова для научных занятий. С таким же ходатайством во ВЦИК обратилась Академия наук. И вот 13 февраля 1921 года в воскресный день торжественных похорон вождя русских анархистов, в момент, когда процессия проходила мимо Бутырской тюрьмы, ее ворота распахнулись, и Мельгунов вышел на свободу.

Однако через год и три месяца, в конце мая 1922 г., историк был арестован снова в связи с процессом над руководителями партии эсеров, где он должен был дать показания как «свидетель». Но... боясь нежелательных выпадов со стороны Мельгунова, устроители процесса слова ему так и не дали, продолжая тем не менее держать историка в тюрьме.

Пока тянулся эсеровский процесс, в обеих столицах для высылки за границу формировались пространные списки неугодных Советской власти представителей интеллигенции – ученых, писателей, общественных деятелей, составлявших цвет образованных кругов России. Почти все из них ранее преследовались пролетарской властью, успели посидеть даже по нескольку раз в тюрьмах, подвергались угрозе расстрела. Вопрос о необходимости более широкого использования высылки за границу был поставлен В.И. Лениным в мае 1922 г. при разработке Уголовного кодекса РСФСР. «По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)», – писал он по этому поводу Д.И. Курскому¹⁰. Претенденты на высылку определялись еще с февраля 1922 г., когда по указанию Ленина была начата с участием ВЧК массовая проверка на «контрреволюционность» издательств, периодических изданий, их авторов и сотрудников¹¹. 19 мая 1922 г. Ленин писал Дзержинскому: «К вопросу о

высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки... Обязать членов Политбюро уделять 2–3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг... Собрать *систематические* сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ»¹².

Видимо, дело поручили действительно «толковым» людям типа Агранова, и оно пошло быстро. К осени списки перевалили за две сотни имен, но, как сумела выяснить В.Н. Фигнер, в них не оказалось Мельгунова, так как он находился в данное время в тюрьме, а не на свободе. Пришлось испрашивать в ЧК «великую милость» включить историка в списки на изгнание. По этому поводу Мельгунова вызвал к себе В.Р. Менжинский. Как вспоминала жена Сергея Петровича, «Менжинский прямо сказал С.П., что большинство коллегии ГПУ за его высылку в Чердынь Пермской губернии (на дальний север). «Мы вас выпустим, – сказал он, – только с условием не возвращаться». «Вернусь через 2 года, – ответил С.П., – вы больше не продержитесь». «Нет, я думаю, шесть лет еще пробудем». Потом Менжинский говорил о том, как хорошо понимает невыносимое существование С.П.: «Каждую ночь ждете звонка, да и работать вряд ли удастся при таком количестве обысков. 20 у вас уже было? Все вверх дном, верно. Да. Я вас понимаю»...

Накануне отъезда у выпущенного ненадолго из тюрьмы Мельгунова сделался острый приступ аппендицита. Из двух вариантов – уезжать в назначенный день или сделать операцию – историк выбрал первый: ГПУ могло во второй раз не разрешить выезд, и тогда пришлось бы ехать в Чердынь. Так и выпало покидать Родину больным и разбитым. Из Москвы выехали 10 октября 1922 г., а впереди ждали почти 35 долгих лет жизни на чужбине.

Мельгунов в эмиграции

Эмигрантский период в биографии Мельгунова, так же как и его «чекистская одиссея», достоин подробного описания. Однако в данной статье мы отметим лишь самые основные его вехи.

Поселившись в Варшаве, затем в Берлине, Мельгунов включает в себя бурную жизнь русского зарубежья, проявляя ту же широту интересов, энергичность и последовательность, что и в России. Уже весной 1923 г. по его инициативе в Берлине было создано издательство «Ватага», явившееся как бы заграничным наследником закрытой в СССР «Задруги». Оно приступило к изданию историко-литературных сборников «На чужой стороне», редактировавшихся Мельгуновым и продолживших традиции «Голоса минувшего». Финансовые затруднения позволили издать в Берлине только 9 томов сборника, остальные 4 тома были выпущены издательством «Пламя» в Праге, куда в 1925 году переехал Мельгунов. В 1926 г. историк живет уже в Париже, где начинает выпуск под своей редакцией «журнала истории и истории литературы» под названием «Голос минувшего на чужой стороне». Проживая затем безвыездно во Франции вплоть до смерти в 1956 г., он участвует также в издании и редактировании журналов «Борьба за Россию», «Возрождение» и «Русский демократ».

Свою политическую активность Мельгунов направляет на объединение различных групп русской эмиграции для совместной борьбы с большевиками. Одно время он стоял даже во главе особой эмигрантской политической организации «Координационный центр». Но эта деятельность явного успеха не имела, как не давали ощутимых результатов и попытки сплотить эмиграцию, предпринимавшиеся другими политиками.

Главное же, что поглощало на чужбине силы и время Мельгунова, были его ежедневные, из года в год, занятия историей. Отбросив почти все свои старые увлечения, историк сосредоточивается исключительно на исследовании нескольких лет «русской смуты» XX века, выполняя данный себе еще в 1920 г. зарок. В доносах провокатора Н.Н. Виноградского об этом зарок сказано следующее: «Мельгунов постоянно заявляет, что после выхода из тюрьмы он направит все свои силы как историка к тому, чтобы большевики не вошли с хорошим именем в историю. Для того у него уже имеется материал, и материалы он постоянно будет собирать!!!»

Начал историк с обращения к теме красного террора. За первые же статьи на эту тему через год после высылки из России он был официально решением ВЦИК лишен советского гражданства, в Москве были конфискованы весь его личный архив и огромная библиотека, переданные в распоряжение Коммунистической академии. Путь на Родину оказался отрезанным навсегда.

В последующие годы из-под пера Мельгунова выходят одна за другой все новые и новые книги, одно перечисление которых впечатляет: «Красный террор в России. 1918–1923» (1923–1924), «Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. Материалы для истории русской общественности» (1929), «Гражданская война в освещении П.Н. Милюкова. Критико-библиографический очерк» (1929), «Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири» (4 т., 1930—1931), «На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года» (1931), «Российская контрреволюция. Методы и выводы генерала Головина» (1938), «Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года» (1939), «Золотой немецкий ключ большевиков» (1940), «Судьба императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки» (1951), «Легенда о сепаратном мире. Канун революций» (1957), «Мартовские дни 1917 года» (1961), «Воспоминания и дневники» (2 т., 1964).

Рассказывать о содержании этих книг нет смысла, их следует читать и анализировать. Можно констатировать, что сейчас российским читателям доступны уже основная часть трудов

историка, предстающий в своей совокупности, как почти 4000-страничная хроника мятежных лет, переломивших судьбу России. Эту хронику отличает богатейшее использование исторических источников, объективная оценка происходившего, публицистическое биение авторской мысли и чувства, увлекательность его творческого почерка.

Если же к книгам Мельгунова добавить сотни статей, заметок, рецензий, опубликованных им в эмиграции, его работу по изданию исторических материалов, то особенно наглядным станет тот титанический труд по осмыслению эпохи революционных бурь, который выпало осилить историку. Он всегда шел в исторической науке своим независимым путем, защищая истину и откровенно высказывая критические суждения о многих эмигрантских авторах, писавших на исторические темы (это касалось П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского, А.И. Деникина, Н.А. Бердяева, Н.Н. Суханова, сменовеховцев, многих невозвращенцев типа Ф.Ф. Раскольникова и т. д.). Такая непреклонность не могла не прибавлять историку недружелюбно настроенных критиков, но и одновременно не поднимать его авторитет в глазах читателей.

Все написанное Мельгуновым за годы изгнания позволяет без какого-либо преувеличения называть его крупнейшим историком русского зарубежья, именно историком, а не мемуаристом на исторические темы. Таких мемуаристов особенно много дала русская эмиграция, и ни один из них, даже профессиональный историк П.Н. Милюков, не может сравниться с Мельгуновым по широте, глубине и объективности написанного.

В списке трудов Мельгунова особо следует отметить его трилогию «Революция и царь». Первой книгой этой трилогии является книга «Легенда о сепаратном мире. Канун революции», вышедшая в Париже уже после смерти историка в 1957 г. В ней Мельгунов мастерски разбирает «паутину сепаратного мира», измены и тайного германофильства, опутавшие Николая II и Александру Федоровну в последние дни и месяцы царствования. Эта клевета, усилиями заговорщиков ставшая повсеместным обывательским настроением, помогла свалить монархию. Между тем, как писал Мельгунов, при особом восприятии императором своей миссии у него в мозгу не могла «родиться даже мысль о сепаратном мире – «позорном» для престижа верховной власти, которой руководит Божественное провидение». Историк пришел к следующему показательному выводу: «... С легендой о сепаратном мире... раз и навсегда должно быть покончено. Оклеветанная тень погибшей императрицы требует исторической правды. Александра Федоровна хотела быть добрым ангелом-хранителем монархии, а сделалась ее злым гением. Это факт, который отрицать нельзя, но в тяжелую годину испытаний и она, и сам царь Николай II с непреклонной волей шли по пути достойного для страны окончания войны. Никогда надежды их не обращались к внешнему врагу, а только от него – от немцев – в теории могло бы прийти им тогда спасение».

Второй книгой трилогии является труд «Мартовские дни 1917 года» (Париж, 1961), где историк подробным образом, час за часом, день за днем описал роковые события Февральской революции и отречения императора – этого «человека слабой воли», личные качества которого определили слишком многое. «Мистическая покорность судьбе», по мнению Мельгунова, составляла главную сущность характера Николая II. После отречения он «внешне примирился с личной катастрофой для себя» и как «венценосец, скинув тяготевшие на нем исторические бармы мономаховой шапки, оживал и делался «человеком».

События текли тогда «с быстротой часовой стрелки», и именно поэтому Мельгунов посвятил целую книгу судьбе Николая II от момента его отречения до трагической гибели, судьбе, полной драматизма, загадок и почти детективных сюжетов. Особенностью творческого почерка историка всегда было стремление и умение собрать по крупицам как можно более широкий массив исторических фактов и только на их основе делать какие-либо выводы. Главной целью своего труда он видел выявление разнообразных исторических реалий, которые привели в конце концов к трагической развязке. Автор пытался выяснить, что происходило на самом деле, а не являлось плодом воображения современников описываемых событий. Основ-

ную работу над книгой он вел в 1939–1944 гг., когда над Европой бушевала мировая война, а Франция была оккупирована фашистами, и это не могло не привести в исследование дополнительный трагизм и горечь. На фоне грандиозных событий судьба царской семьи выглядела как грозное предзнаменование грядущих всемирных катаклизмов и потрясений.

В отличие от многих произведений о трагической «одиссее» Николая II и его близких, труд Мельгунова «Судьба императора Николая II после отречения» опирается на самую обширную источниковую базу, написан живым и увлекательным языком, насыщен глубокими авторскими размышлениями на темы революции. Очень важно, что автор не сводит ведь драматизм судьбы императора лишь к его расстрелу и действиям большевиков, а видит корни совершившейся трагедии еще в раскатах Февральской бури и событиях, протекавших от Февраля до Октября. К тому же в своей работе Мельгунов дал очень аргументированную критику многих работ на выбранную им тему, в том числе Н.А. Соколова, Дитерихса, П. Жильяра, Р. Вильтона, отличающихся заметными упрощениями, искажениями и вольными интерпретациями различных фактов.

Не будет преувеличением сказать, что данная книга Мельгунова до сих пор является крупнейшим и наиболее объективным трудом во всей исторической литературе, посвященным последнему периоду жизни Николая II. И думается, она еще не раз вызовет живой интерес у российских читателей.

Книга Мельгунова «Красный террор в России»

Обратимся теперь более подробно к первой книге, написанной Мельгуновым в эмиграции и представляемой ныне читателю. К созданию ее историка подвигло прежде всего чрезвычайно поразившее его за границей стыдливое умолчание о красном терроре в России, присутствующее не только «демократической» общественности западных стран, но и значительной части русской эмиграции. В одной из статей Мельгунов призывал: «Современники обязаны во имя своей личной чести протестовать против клейма, которое накладывает на них молчание в дни ужасов. Жить в такую эпоху и молчать – значит принимать на себя моральную ответственность за совершающееся».

10 мая 1923 года в Лозанне белогвардейцем Конради был убит полпред СССР в Италии В.В. Воровский. Это событие и подготовка процесса над участниками убийства вызвали всплеск интереса к теме террора – белого и красного, ибо Конради представлял свой террористический акт как месть за разгул «большевистского насилия», а в СССР поднялась волна разоблачения клеветы о якобы «страшном» красном терроре и зазвучали голоса, призывавшие в ответ на убийство Воровского провести массовые расправы над оставшимися в стране контрреволюционерами. Мельгунов по просьбе Обера, защитника обвиняемых на лозаннском процессе, представил ему необходимый материал о красном терроре, явившийся конспектом будущей книги и косвенно способствовавший оправданию подсудимых.

Непосредственная работа над книгой заняла всего лишь несколько месяцев: уже в декабре 1923 г. она была закончена и выпущена в свет в январе 1924 г. издательством «Ватага». Книгу ждал редкий читательский успех, что побудило автора немного дополнить ее и выпустить вторым изданием в том же году. В СССР книга была встречена крайне враждебно (в ГПУ ее назвали «клеветнической») и сразу же попала в разряд самых запрещенных изданий. Впоследствии она была переиздана на русском языке еще дважды – в Нью-Йорке в 1979 и 1989 гг. издательствами «Brandy» и «Телекс».

Поспешность, с которой книга писалась, наложила на нее неизгладимый отпечаток. Во-первых, автор вынужден был отказаться от первоначального замысла составить работу о терроре из трех частей, посвященных общему историческому обзору проблемы, красному террору и террору белому. Это, конечно, не могло не сузить широту охвата историком сложной темы и не сделать более оголенной, а потому и более уязвимой основную политическую направленность его труда. Мельгунову так и не суждено было специально обратиться к белому террору, чтобы высветить вторую, может быть менее бросающуюся в глаза, но также весьма существенную сторону кровавой медали ожесточенного классового противоборства в России.

Во-вторых, по признанию самого автора, книга получилась «не отделанной литературно» и «появилась в печати с этой стороны преждевременно». Однако у Мельгунова не было ни физических, ни моральных сил придать ей «надлежащую форму».

В-третьих – и это главное, – книга не приобрела, по оценке автора, «характер исследования. Это только схема будущей работы; это как бы первая попытка сводки, далеко, быть может, неполной, имеющегося материала. Только эту цель и преследует моя книга». Мельгунов несколько раз подчеркивал, что он не хотел давать объяснений явлению красного террора, а лишь стремился восстановить его картину в возможно более полном виде: «Я избегал в своей работе ставить вопросы теоретического характера. Они безбрежны. Мне надо было прежде всего собрать факты».

Такая отличительная черта книги может рассматриваться как ее основной недостаток, но в то же время и как ее главное достоинство. До сегодняшнего дня (время здесь кардинально ничего не изменило) эта книга представляет собой одну из самых полных сводок фактического материала по красному террору, складывающуюся в подробную хронику шестилетней протя-

женности. И именно это обстоятельство определяет значение издания книги в нашей стране, где тема красного террора предстает для историков и тем более для читателей еще нераскрытой темой. Надеемся, что, попав на подготовленную почву, книга послужит появлению всходов новых исследований, посвященных дальнейшей разработке истории революционного насилия первых лет Советской власти.

Следует пояснить, что упор Мельгунова в своей работе именно на фактическую сторону дела был связан не только с нехваткой времени для теоретического осмысления безбрежного материала, но и с особенностями творческой манеры историка. Он всегда считал факты прочной основой исторической науки и скептически относился к тем философствованиям по поводу истории, которые были оторваны от реальной почвы. «Логические соображения никогда... не убеждают, если они не основаны на фактах». «Факты сами по себе остаются фактами, как ни разны они понимаются в исторических исследованиях, по неизбежности всегда субъективных», – писал Мельгунов. Он признавал наивными суждения о том, будто историк может быть совершенно беспристрастным: «История – не летопись, и на страницах своего труда историк революции творит тот же суд над людьми и событиями, что и современник. С той же субъективностью подходит он к оценке событий близкого и далекого прошлого. Его политические и общественные взгляды кладут всегда более или менее яркий отпечаток на восприятие той бурной революционной эпохи, которая является предметом его анализа и повествования. И бесполезно поэтому требовать от историка отвлеченного объективизма... Объективность историка лежит в иной плоскости – в методах его работы. История обязывает к рассмотрению всей совокупности того материала, который может быть в распоряжении исследователя».

Следуя этому правилу, фактическое содержание своей книги Мельгунов черпал из самых разнообразных источников: материалов, собранных им в России, советской печати, обширной эмигрантской литературы, иностранных изданий. Отдельно в этом ряду стоят документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, учрежденной А.И. Деникиным 11 декабря 1918 г. и работавшей до марта 1920 г. Позднее часть этих документов, не использованных в книге, историк издал в Берлине и Париже.

Естественно, что источники, привлекавшиеся автором, различны по своей достоверности. Почти не вызывают сомнений материалы, вышедшие из советского лагеря: официальные документы ЧК, сведения советской прессы, высказывания и мемуары видных большевиков и т. д. Что касается материалов, имеющих отношение к антибольшевистскому лагерю, то сам историк неоднократно высказывал свое критическое к ним отношение: «Я не могу взять ответственности за каждый факт мной приводимый»; «Все это данные, за полную точность которых, конечно, ручаться нельзя»; «Ошибки неизбежны были в отдельных конкретных случаях, субъективны были, как всегда, индивидуальные показания свидетелей и очевидцев...». Однако Мельгунов подчеркивал неправомерность на этом основании вовсе отбрасывать сведения, «идушие из стана политических противников большевиков». Во-первых, ввиду их чрезвычайной важности, а во-вторых, в силу того, что пока весь собранный в книге материал «не может быть подвергнут строгому критическому анализу – нет данных, нет возможности проверить во всем его достоверность».

Прошло уже почти сто лет после описанных Мельгуновым событий, а дело не только не прояснилось, но в некотором отношении стало, пожалуй, еще туманнее. С тех пор утеряно и уничтожено неизмеримо больше, чем в первое пятилетие после Октября, а многое так и продолжает лежать под спудом в секретных хранилищах, что не позволяет критически проанализировать все, вошедшее в книгу. В этой ситуации мы должны отдать должное ее автору за его скрупулезность в подборе фактов (в силу важности этого вопроса в публикации полностью сохранены все указания источников, данные Мельгуновым) и его стремление установить истину «путем некоторых сопоставлений». Как признавался историк, «я повсюду старался брать однородные сведения из источников разных политических направлений. Такая разно-

родность источников и однородность показаний сами по себе, как мне представляется, свидетельствуют о правдивости излагаемого».

Начиная свою книгу, Мельгунов выразил пожелание, чтобы у читателей «хватило мужества вчитаться в нее». И действительно, чтение этой книги, как в 1924 г., так и сегодня, требует изрядного мужества, ибо не может не потрясать и шокировать. Смелость, с которой автор обратился к кровавым перипетиям революции, можно объяснить словами В.Г. Короленко, вынесенными Мельгуновым в качестве эпиграфа к первому изданию книги: «Страшная правда, но ведь правда...». И этот эпиграф говорит много об отношении Мельгунова к Короленко, о близости их позиций и устремлений.

А предисловие к первому и второму изданиям книги Мельгунов действительно начал со слов Короленко, написанных им по поводу одного рассказа, опубликованного в 1910 г. в «Русском богатстве»: «Незаметно эта вещь вряд ли пройдет, если только у читателей и критики хватит мужества вчитаться...» Получается, что Короленко задал основной рефрен правды, которому следовал в своей книге историк. В том же предисловии он еще раз вспомнил Короленко и его борьбу со смертными казнями прицарской власти: «Невольно вновь вспоминаешь слова В.Г. Короленко, мимолетно брошенные им по поводу его работы над «Бытовым явлением». Он писал Горнфельду...: «...Работал над этим ужасным материалом о «смертниках», который каждый день по несколько часов отравлял мои нервы». И когда читатель перевернет последнюю страницу моей книги, я думаю, он поймет то гнетущее чувство, которое должен был испытывать автор ее в течение долгих дней, погружаясь в моря крови, насилия и неопикуемых ужасов нашей современности. По сравнению с нашими днями эпоха «Бытового явления» даже не бледная копия...»

Работу Мельгунова отличает самое резкое неприятие революционного насилия, самый строгий суд над проявлениями красного террора, которые были свойственны и Короленко. Непримируемость оценок Мельгуновым красного террора как раз и объясняется во многом его возмущением по поводу дискредитации большевиками, сделавшими ставку на насилие, социалистического движения и социалистической мысли. Историка ужасно тяготило «пятно варварства», оставленное коммунистами на чистом облике многовековой мечты человечества, и он, как представитель одного из социалистических течений, чувствовал и свою собственную вину за случившееся. На этот счет Мельгунов откровенно высказался в своем заключительном слове на процессе по делу «Тактического центра»: «И красный, и белый террор для меня ненавистны. Но красный террор для меня мучителен потому, что я социалист и косвенно принимаю ответственность за то, что здесь происходит». Позднее историк подчеркивал, что красный террор для него более омерзителен, чем белый, так как он творится «под знаменем революции, под знаком обновления мира». Под этими словами подписался бы и Короленко, которые не единожды обвинял в тех же грехах большевиков.

В этой связи показательно критика Мельгуновым взглядов А.М. Горького, который в брошюре «О русском крестьянстве» упрощенно высказался о первоисточках красного террора: «Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа... Когда в «зверстве» обвиняют вождей революции... я рассматриваю это обвинение, как ложь и клевету, неизбежные в борьбе политических партий или... как добросовестное заблуждение... «Недавний раб» стал самым разнузданным деспотом, как только приобрел возможность быть владыкой ближнего своего». Приведя эти слова, которые не мог бы ни при каких обстоятельствах сказать Короленко, Мельгунов вынес такой приговор автору «Песни о буреветнике»: «Итак, русский писатель, не только сочувствующий русскому коммунизму, но и имевший с ним более прямые связи, снимает ответственность с творцов террористической системы и переносит ее на темноту народную... Едва ли есть надобность защищать русского крестьянина, да и русского рабочего от клеветы Горького: темен русский народ, жестока, может быть, русская

толпа, но не народная психология, не народная мысль творила теории, взлелеянные большевистской идеологией...»

В своей книге Мельгунов приводит множество фактов того, что именно руководители большевиков являлись главными вдохновителями и организаторами красного террора – от самых массовых расстрелов заложников осенью 1918 г. до расправ с белогвардейцами в Крыму в 1920 г. И надо отдать ему должное, что как профессиональный историк, он всегда опирался только на факты, считая, что «толкование догадок – занятие довольно бесплодное». К примеру, Мельгунов ничего не домысливал по поводу, пожалуй, самого страшного инцидента красного террора, связанного с расстрелом царской семьи в Екатеринбурге и других членов императорского дома. В условиях «недостаточности улик» он пришел к выводу, который сегодня уже вполне можно оспорить на основе новых документальных доказательств. По мнению автора, высказанному более подробно в книге «Судьба императора Николая II после отречения», не было заранее составленного единого «московского плана» по устранению представителей дома Романовых, а екатеринбургская трагедия – это скорее преступление партийных изуверов, а не «дьявольский замысел, задуманный в центре и планомерно им осуществленный». И даже особая роль Ленина в этих событиях подвергалась им сомнению: «В действительности позиция Ленина в эти дни была иной: он полагал, что в случае крушения большевизма тактически выгодно содействовать восстановлению реакционной монархии».

На самом деле единый замысел тогда, конечно, был, и не назвать его «дьявольским» весьма затруднительно. Далекое не случайно жертвами красного террора пали в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. под Пермью в Мотовилихинском районе великий князь Михаил Александрович, в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге – царская семья в полном составе, в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. под Алапаевском – великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Сергей Михайлович, сыновья великого князя Константина Константиновича – Игорь, Иоанн, Константин, князь В. Палей, а также сопровождавшие их лица. Позднее, в феврале 1919 г., в Петропавловской крепости были расстреляны великие князья Павел Александрович, Николай Михайлович, Георгий Михайлович и Дмитрий Константинович. И хотя этот план осуществлялся довольно длительное время, основные претенденты на царский престол были уничтожены всего лишь за месяц с небольшим.

Что касается событий в Екатеринбурге, то в их преддверии, в начале июля 1918 г., член президиума Уралсовета Исай Голощекин (партийная кличка Филипп) уезжает в Москву, где живет на квартире Я.М. Свердлова. Именно в эти дни при участии Ленина, как подтверждал позднее в своих дневниках Л.Д. Троцкий, и было решено ликвидировать царскую семью, но сделать это так, будто решение о ликвидации приняли местные власти без указаний из центра в условиях приближения к городу белогвардейских частей.

13 июля по прямому проводу состоялся продолжительный разговор председателя Уралсовета с В.И. Лениным по поводу «военного обзора и охраны бывшего царя». А через три дня, 16 июля, в Москву ушла таинственная телеграмма, которая была найдена лишь недавно. Она была послана из Екатеринбурга кружным путем – через главу Петросовета Г.Е. Зиновьева – на адрес «Свердлову, копия Ленину» и принята 16 июля в 21 час 22 минуты, за несколько часов до расстрела: «Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите <в> Москву, что условленный с Филипповым (Голощекиным. – С.Д.) суд по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваше мнение противоположно, сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин. Сафаров. Снесите по этому поводу сами с Екатеринбургом». Подпись – «Зиновьев».

Лишь в 1968 г. А. Акимов, работавший в охране Ленина, рассказал, что в тот же день по поручению Я.М. Свердлова он отнес на телеграф на Мясницкой улице телеграмму с утверждением решения Уралсовета СНК и ВЦИК за подписью Ленина и Свердлова. Для конспи-

рации Акимов, угрожая пистолетом, забрал на телеграфе не только копию телеграммы, но и саму ленту.

Факт получения этого указания из Москвы подтверждал сам Я.Х. Юровский в своей «Записке». После свершения жуткого убийства в Москву из Екатеринбурга уходит еще одна зашифрованная, составленная из ряда цифр телеграмма: «Передайте Свердлову, что всю семью постигла участь главы официально семья погибнет при эвакуации Белобородов». (Эта телеграмма, в которой сохранена орфография оригинала, даже выставялась на продажу на аукционе «Сотбис» вместе с другими документами, собранными следователем Н.А. Соколовым.) Далее последовали переговоры Белобородова и Свердлова о согласовании текста публикации об убийстве в советских газетах с ложью о том, что убит был только Николай II.

Как писал Мельгунов, эту «кошмарную потаенную расправу» могли «совершить лишь те, кто в момент своего действия потерял человеческий облик», и именно поэтому «даже большевистская власть не нашла в себе смелости сказать правду о том, что произошло в подвале дома Ипатьева... Она наложила запрет молчания и на уста непосредственных убийц». Факт смерти всей семьи был раскрыт в советской печати только в 1921 г., а многие свидетельства участников расправы остались тайной вплоть до крушения СССР.

Отверг Мельгунов в своей книге о красном терроре и другой распространенный миф о том, что красный террор породил именно белый террор: «Пытаются доказать, что красный террор вызван эксцессами белых. Тот, кто признает хронологию канвой истории и прочтет эту книгу, увидит, как мало правдоподобия и достоверности в этом утверждении». Примерно того же взгляда придерживался и Короленко, показавший на десятках примерах, что именно сами большевики порождали и проводили в жизнь теорию и практику террора...

В своих трудах, в том числе в книге «Трагедия адмирала Колчака», Мельгунов доказывал, в частности, что Колчак, любивший повторять: «Дисциплина есть основание свободы» и «Мы рабы положения», – никак не может восприниматься в качестве главного реакционера так называемой «русской Вандеи», сторонника беспощадного белого террора, а, наоборот, должен расцениваться как человек, сдерживавший сползание режима в сторону «реставраторства» и озверения. «Колчаковщина» появилась задолго до Колчака, и он в ней был совсем неповинен.

Признавая многие грехи адмирала, необходимо снять с него надуманную вину в том, будто бы за все ужасы, творившиеся в Сибири, ответственен он сам. Гораздо больше для понимания как белого, так и красного террора дает признание общей ответственности за ужасы Гражданской войны. Показателен финал одиссеи адмирала Колчака, который за свои ошибки жестоко расплатился «мученической кончиной». Ровно год стоял адмирал у руля государственного корабля, метавшегося по волнам бушевавшей русской жизни, пока воля обстоятельств не заставила его покинуть Омск и застрять, так же как последнего императора, на железнодорожных перегонах в отрыве и от своего правительства, и от своих войск. 27 декабря 1919 г. при явном попустительстве руководителей союзнических контингентов в Сибири адмирал был фактически пленен чехами на станции Нижнеудинск (в это время он за одну ночь поседел), а затем, 15 января 1920 г., передан в распоряжение Политического Центра, пришедшего к власти в Иркутске в результате восстания. Эсеровский Политцентр был лишь переходной ступенькой к большевистскому Военно-революционному комитету, который, взяв переданную ему власть в Иркутске 21 января 1920 г., получил «по наследству» и Колчака.

Это событие не оставляло никаких сомнений в дальнейшей судьбе адмирала, его неминуемой голгофе. Большевики не отличались особой щепетильностью к своим врагам, тем более такого масштаба, однако, как это делалось уже не раз, они вновь попытались представить дело так, будто официальная ответственность за смерть «верховного правителя» лежит не на центре, а на местных властях. Вспомним, что именно таким образом они поступили при уничтожении представителей Дома Романовых.

Еще до перехода власти в Иркутске к большевикам, 17 или 18 января 1920 г., в Иркутский губком большевистской партии по телеграфу через И.Н. Смирнова, члена Реввоенсовета 5-й армии Восточного фронта и председателя Сибревкома, было передано указание В.И. Ленина при первой же возможности направить Колчака в распоряжение Реввоенсовета 5-й армии для последующей отправки в Москву, где мог быть проведен «народный» суд над адмиралом. Однако к Иркутску для спасения Колчака рвались войска генерала Каппеля, что делало невозможной передачу адмирала регулярным частям Красной армии (они вошли в Иркутск лишь в начале марта). И вот 23 января И.Н. Смирнов сообщает В.И. Ленину и Л.Д. Троцкому: «В Иркутске власть безболезненно перешла к Комитенту коммунистов... Сегодня ночью дал по радио приказ Иркутскому штабу коммунистов (с курьером подтвердил его), чтобы Колчака в случае опасности вывезли на север от Иркутска, если не удастся спасти его от чехов, то расстрелять в тюрьме».

Из Москвы возражений не последовало, наоборот, расстрел Колчака разрешено было произвести, учитывая местные обстоятельства. Вскоре, в начале февраля 1920 г., Смирнов приказывает исполкому Иркутского Совета: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивого положения Советской власти в Иркутске, настоящим приказываю вам находящимся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя совета министров Пепеляева с получением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить». В свою очередь Иркутский Военно-революционный комитет во исполнение приказа Смирнова 6 февраля 1920 г. также постановляет Колчака и Пепеляева расстрелять.

Когда все свершилось, В.И. Ленин, «заметая следы» участия Москвы в решении судьбы адмирала, приказывает заместителю Председателя Реввоенсовета РСФСР Э.М. Склянскому: «Пошлите Смирнову (РВС 5) шифровку: (шифром). Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. Ленин. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архи-надежно?»¹³.

Самое любопытное во всей этой истории заключается в том, что 17 января 1920 г., т. е. всего лишь за 20 дней до расстрела Колчака, ВЦИК и СНК торжественно постановили «отменить применение высшей меры наказания (расстрела) как по приговорам Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и Верховного при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете трибуналов». Получается, что Колчака и Пепеляева данное постановление ничуть не касалось, как не коснулось оно и многих тысяч других врагов пролетариата, расстрелянных в первые месяцы 1920 г. ...

В последующие после написания книги «Красный террор в России» годы Мельгунов, внимательно следя за тем, что происходило в СССР, особенно с конца 1920-х годов, не только не отказался от своих выводов и оценок, а еще более ужесточил их. Когда на Западе появились и стали публиковать книги большевики-невозвращенцы, в том числе чекисты (П. Селянинов-Опперпут, Г. Агабеков, Е. Думбадзе, Ф. Другов, Г. Соломон, Г. Беседовский, Н. Безпалов и др.), историк заметил, что «все эти разоблачающие себя чекисты (начиная с Опперпута) блестяще подтверждают не только основные положения, но и фактическую канву моего обзора, к сожалению, доведенного лишь до 1924 г.».

В 1931 г. Мельгунов во второй раз специально обратился к теме красного террора, опубликовав в 7 выпусках парижского еженедельника «Борьба за Россию» за февраль – май свою так и не вышедшую отдельным изданием небольшую книгу «Чекистский Олимп». В ней он дал несколько очень зло выписанных портретов вождей чекистско-судебной системы (Ф.Э. Дзержинский, В.Р. Менжинский, М.С. Кедров, Н.В. Крыленко), которые, несомненно, подтолкнули Романа Гуля к созданию весьма схожей работы «Дзержинский. Менжинский. Петерс. Лацис. Ягода», вышедшей в Париже в 1935 г.

Мельгунов начал «Чекистский Олимп» с признания, имеющего отношение к «Красному террору в России», «книге подлинной действительности», как он ее называл: «7 лет тому назад, когда я издавал свою кровавую летопись, я считал своим долгом быть осторожным – столь невероятным подчас представлялось позорное «бытовое явление» наших дней... С горечью приходится сказать, что зверь из бездны оказался, пожалуй, еще чудовищнее, еще кошмарнее, чем он казался. Через семь лет не от чего отказываться. Могли быть неверные детали, но зато одну иллюстрацию можно теперь пополнить десятками...»

Приведем лишь одну выдержку из «Чекистского Олимпа», чтобы доказать, что в нем звучали еще более острые оценки и эпитеты, чем в «Красном терроре»: «...Ленин только придумал систему замены виселиц и эшафотов человеческими бойнями... Троцкий только прославлял и исторически обосновывал систему. Крыленко только требовал казней. Дзержинские и Менжинские только выносили приговоры в порядке «красного террора». Выполняли казни Мага, Рыба, Буль и им присные. Но имеем ли мы право в действительности выделять идейных вождей и идейных палачей из того кровавого зверинца, через посредство которого в жизни осуществлялись большие фантазии политических изуверов?»

Сказано очень и очень резко. Не будем забывать, что это слова непримиримого врага Советской власти, который остался им, пожалуй, до самой смерти. И уж во всяком случае взгляды Мельгунова и близких ему по духу мыслителей русского зарубежья выглядят намного более честными, выстраданными и взвешенными, чем откровения многих зарубежных историков, искажающих нашу отечественную историю. Пора наконец уяснить, что наследие различных течений русской эмиграции первой волны, даже самых правых и консервативных, выступает неразрывной составной частью отечественного идейного богатства, которое может еще сослужить верную службу своему родному народу. Нужно только без изъятий и без конъюнктурщины довести это наследие до миллионов людей, жаждущих правды.

И конечно, в фактологической книге Мельгунова очень кратко затронуты такие важные вопросы, как истоки и этапы развития красного террора, его сущность и политическая направленность, его правовая оценка и идеологическое оправдание, формы и методы проведения красного террора, кадры, осуществлявшие «большевистские насилия», статистика жертв этих насилий, противодействие красному террору внутри партийного и советского аппарата, его взаимозависимость от белого террора и т. д. Все эти вопросы еще ждут своего подробного исследования, хотя, конечно, в последние годы в России появилось уже немало публикаций источников и исторических трудов, посвященных красному террору¹⁴.

Одной из главных задач ближайшего времени является прояснение важнейшего вопроса о том, каково же было общее количество жертв красного террора, которое так и не привел в силу недостаточности обобщающей фактуры Мельгунов и которое разнится у отдельных исследователей даже не на проценты, а в разы. Так, один из самых авторитетных историков, поставивших перед собой цель выяснить число репрессированных в период революции и сталинской эпохи В.Н. Земсков в книге «Сталин и народ. Почему не было восстания» (М., 2014) привел цифру общего сокращения населения страны с осени 1917 до начала 1922 г. в 12 741,3 тыс. человек, подчеркнув, что сюда входит и белая эмиграция, ориентировочной численностью 1,5–2 млн человек, и сокращение рождаемости, и жертвы болезней, эпидемий, разрухи, голода и всех вообще эксцессов Гражданской войны, в которых виноваты, конечно, не только большевики, но и все остальные участники этого исторического противоборства. (Вспомним, что только в результате голода 1921–1922 гг. в стране погибло от 3 до 5 млн человек.) Автор пришел в итоге к выводу, что «жертвы политических репрессий (в годы красного террора) исчисляются вовсе не миллионами. Самое большое о чем можно вести речь, – это о десятках тысяч... По имеющемуся учету в ФСБ РФ, в 1918–1920 гг. за «контрреволюционную преступность» был осужден 62 331 человек, в том числе 25 709 – к расстрелу».

Однако сам Земсков посчитал эту статистику неполной, указав, что в ней «не учтены многие жертвы самосудов над «контрреволюционерами». Эти самосуды нередко вообще не документировались, а в ФСБ явно учтено только то количество, которое подтверждается документами. Вызывает также сомнение, что в 1918–1920 гг. в Москву поступала с мест исчерпывающая информация о числе репрессированных. Но даже с учетом всего этого мы полагаем, что общее число репрессированных «контрреволюционеров» (включая жертв «красного террора») в 1918–1920 гг. едва превышало 100 тыс. человек». Примерно такие же данные на основании архивных данных приводит исследователь истории ВЧК О.Б. Мозохин. По его словам, «со всеми оговорками и натяжками число жертв органов ВЧК можно оценивать в цифру никак не более 50 тыс. человек». На основании изучения протоколов заседаний Чрезвычайных комиссий он особо подчеркивал, что приговоры к высшей мере наказания были скорее исключением, чем правилом, причем большинство расстрелянных было казнено за общеуголовные преступления.

После прочтения «жуткой» книги Мельгунова эти цифры кажутся чрезмерно заниженными, однако они имеют право на существование как итоги документальных исследований. Но существуют и другие подсчеты. В конце 1919 г. специальная комиссия, созданная генералом Деникиным, определила количество погибших от проводимого Советской властью террора только в период 1918–1919 годов в 1 766 188 человек, включая 260 000 солдат и 54 650 офицеров, около 1,5 тыс. священников, 815 тыс. крестьян, 193 тыс. рабочих, 59 тыс. полицейских, 13 тыс. помещиков и более 370 тыс. представителей интеллигенции и буржуазии¹⁵. Мельгунов в своей книге подробно анализировал материалы этой комиссии, но он, не имея дополнительных источников, не мог подтвердить или опровергнуть те цифры жертв, которые установила данная комиссия.

А историк С.В. Волков, оценивая «красный террор» не в узком смысле, как расстрелы органами ВЧК по постановлению о красном терроре, а как всю репрессивную политику большевиков за годы Гражданской войны (1917–1922), указывал, что число жертв этого террора может оцениваться до 2 млн человек. Историк указывал, что иногда называются и более весомые цифры, но в таких случаях к жертвам террора относят умерших от голода и болезней, оставшихся без средств к существованию членов семей расстрелянных и т. д. В любом случае количество жертв красного террора было огромно – будь то 100 000 или 2 млн человек. Будем надеяться, что в ближайшее время в России все-таки появятся серьезные обобщающие труды по теме красного террора, продолжающие исследования Мельгунова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.